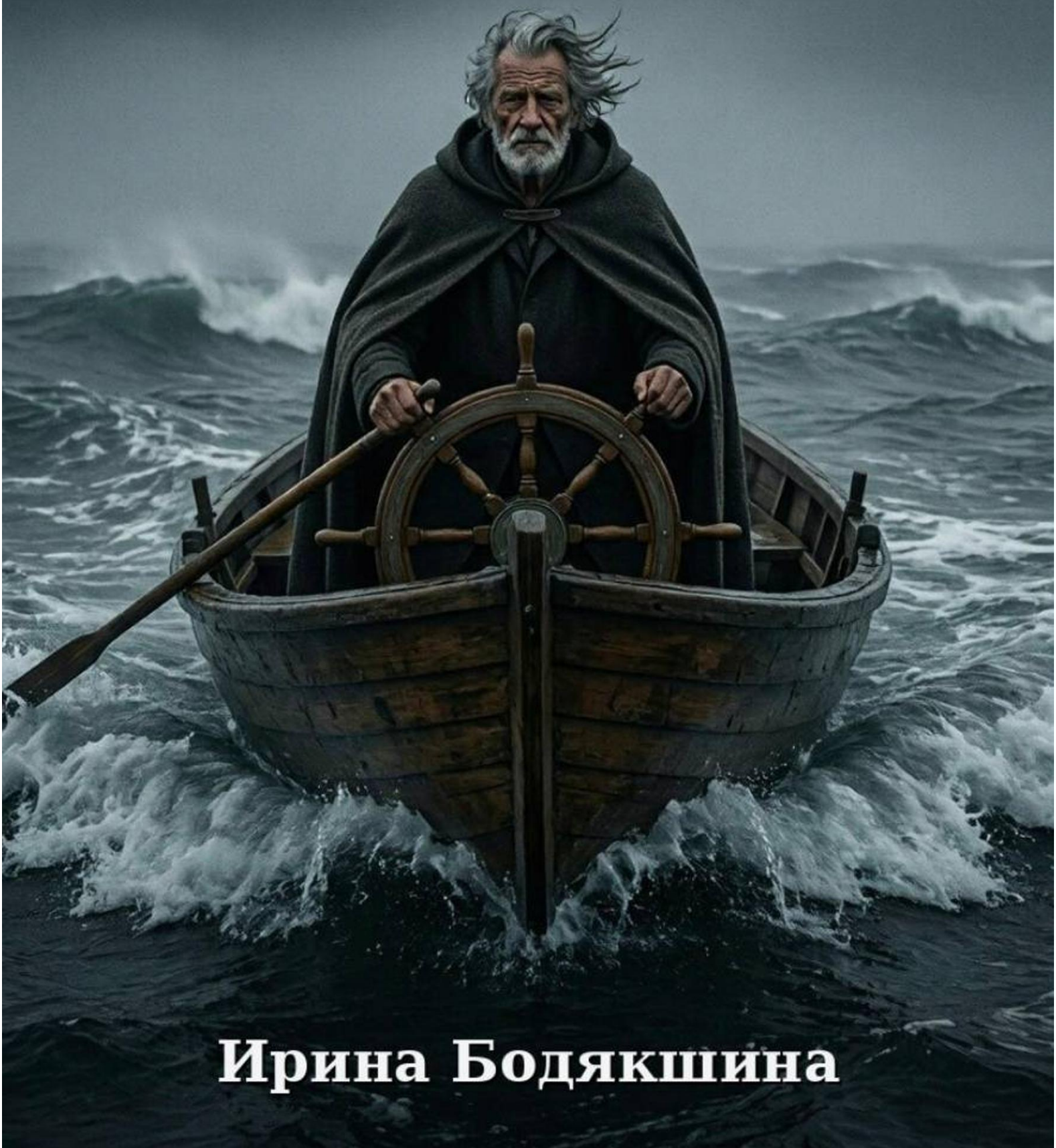
НИКОЛАЙ МОРСКОЙ

Поморская быль

Ирина Бодякшина

Ирина Бодякшина

Николай Морской. Поморские были

«Автор»
2026

Бодякшина И. В.

Николай Морской. Поморские были / И. В. Бодякшина — «Автор», 2026

На суровом Поморском берегу, где шторм встает стеной и не отпускает сутками, артель рыбаков совершает непростительный грех - принимает спасение как должное. Когда посреди гибельной бури у руля их карбаса оказывается седой старик в брезентовом плаще и молча выводит лодку к спасительному берегу, никто не произносит слова благодарности.Но море ничего не прощает и ничего не забывает. Оно ведет свой счет. И расплата приходит не сразу: один за другим погибают те, кто сидел в лодке в тот день. Никола Морской пришел забрать долг, и цена спасения - жизнь каждого, кто занял свое место, но промолчал.Остался лишь старый Иона, рулевой с негнущейся ногой. Ему предстоит понять страшную правду: место кормщика не бывает пустым. Чтобы остановить счет мертвецов, придется самому сесть за штурвал и принять то, от чего отказались остальные."Николай Морской", это мрачная поморская быль о справедливости стихии, неотвратимости долга и о том, что молчание перед лицом чуда порой страшнее любого проклятия.

© Бодякшина И. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Николай Морской. Поморские были 6
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Ирина Бодякшина
Николай Морской. Поморские были

Название: Николай Морской. Поморские были
Автор(-ы): Ирина Бодякшина
Ссылка: https://author.today/work/691839

Николай Морской. Поморские были

Шторм встал на третий день, и к четвёртому стало ясно, что не отпустит.

Артель сидела на тоне, на Переднем Зырянском. Тоня это не мыс и не деревня: берег, снятый под промысел, избушка на нём да лодки, вытащенные на камень. Четыре человека, карбас, маленькая избушка у самого заберега. Хозяин тони, Прокоп Мокеич, сидел у заслонки и молчал. Молчал он уже сутки, а это было хуже любого прогноза. Прокоп Мокеич был из тех, кто молчит только тогда, когда считает.

Ещё двое.Васятка, молодой, лет восемнадцати, сосланный сюда не то за дело, не то просто за то, что город его не удержал. И Фёдор Пузо, у которого прозвище было не о теле, а о характере. За спиной у Фёдора всегда оставался пузырь воздуха, который он умел выдавать за обещание. Греб он первым, у носа. Четвёртым сидел старик Иона, самый тихий из артели. У него одна нога не гнулась с самой зимы, и потому он всегда сидел у руля, где нога не нужна, а нужны руки.

На четвёртые сутки вышли в море всё равно. Тоня это не мысли, тоня это работа. Пошли ставить сети до третьей луды, отошли версты полторы, и тут подняло. Не сразу страшное, сначала просто серо и тяжело, как бывает, а потом вода встала стеной и повела.

Прокоп Мокеич крикнул: "Окачивай!" , но вода окатывала не борт, а людей. Карбас развернуло бортом, и стало ясно, что до берега они не дойдут. Никто не сказал этого вслух. Все поняли по тому, как Прокоп перестал кричать.

И тут на палубе оказался он.

Никто не видел, откуда он взялся, а это самое главное, что о нём потом вспоминали. Не по борту перелез. Не поднялся из-за борта. Просто был, и всё. Седой, в старом брезентовом бушлате, будто шторм его не касался, потому что шторм вообще не замечал предметов, которые не собирается брать. Он прошёл к рулевому веслу и встал за него вместо Ионы. И Иона, тихий, всегда тихий Иона, отодвинулся. Не потому, что подвинулся. Потому что понял, что руль теперь занят.

Старик правил молча. Вода, которая только что лезла в лодку стеной, стала расходиться перед носом. Не расступаться, как в сказках, а именно расходиться, нехотя, как расходится толпа перед тем, кого все знают. Прокоп Мокеич смотрел на него и молчал. Фёдор Пузо смотрел и молчал. И только Васятка, восемнадцать лет, город в крови, не удержался и крикнул через рёв:

— Ты кто?

Старик повернул голову. И сказал:

— Тот, кто считает.

— Чего считать?

Старик не ответил. Он повёл карбас к берегу, к заберегу, за которым стояла тоня, и довёл их так, как доводят не в море, а в гавани. Точно, по самому краю, не задев ни одной каминины. Когда киль заскрипел по камню, артель выскочила в воду и потянула лодку. Прокоп Мокеич обернулся сказать, а что он и сам не знал: благодарность или ещё что, но на палубе уже никого не было. Никто не слышал, как старик сходил на берег. Никто не слышал всплеска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.